

Але Маруша

Стихи русских поэтов XX – начала XXI века

Казань

Издательство Академии наук РТ

2018

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
А 19

*125 лет со дня рождения русского поэта Серебряного века
Марины Ивановны Цветаевой
26 сентября (8 октября) 1892 – 31 августа 1941*

На титульном листе: Аарон Билис. Портрет Марины Цветаевой. Бумага, угольный карандаш, 1931. РГАЛИ

На обороте титульного листа: Елизавета Кругликова. Силуэт Марины Цветаевой. Из книги «Силуэты современников» (1922)

В оформлении обложки книги использована фотография Виктора Мушкарина

Аве Марина: Стихи русских поэтов XX – начала XXI века /
Редактор-составитель Г. Булатова. – Казань : Изд-во Академии наук РТ,
2018. – 64 с.

ISBN 978-5-9690-0417-7

В сборник вошли избранные стихи русских поэтов XX – начала XXI века, связанные с именем Марины Цветаевой.

ISBN 978-5-9690-0417-7

©Галина Булатова, 2018

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Цветаевские письма давно выбиты в моём сердце. Вот и первенца я умудрилась родить 8 октября. Случайность, конечно, но... Возможно, это был знак, чтобы спустя 30 лет случилось другое рождение – этой книжки?..

В 2016-м мы с казанским поэтом Эдуардом Учаровым дважды побывали в Елабуге – по приглашению Рахима Гайсина, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского института КФУ. Выступали перед студентами и в Библиотеке Серебряного века, гуляли по городу и, конечно, побывали на месте последнего пристанища Марины Ивановны. Помню, тогда меня охватила дрожь, я не могла сдержать слёз, гладила розовый гранит (вот оно, твоё розовое платье!) и повторяла высеченное на нём имя, ощущая родство даже в отчествах...

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет...

Когда интернет запестрил дневниками Цветаевой и её семилетней дочери Ариадны, многие тут же бросились осуждать поэта за некоторые факты биографии. Всколыхнулось. Как вы можете? Вы не жили в то время, не знаете всех обстоятельств... Не судите, да не судимы будете...

...И возникло желание составить ретроспективу поэтических посвящений Марине Цветаевой или стихотворений, связанных с её именем. Идея, конечно, не нова, как и всё в этом мире. Но поиски лучшего и любимого было уже не остановить...

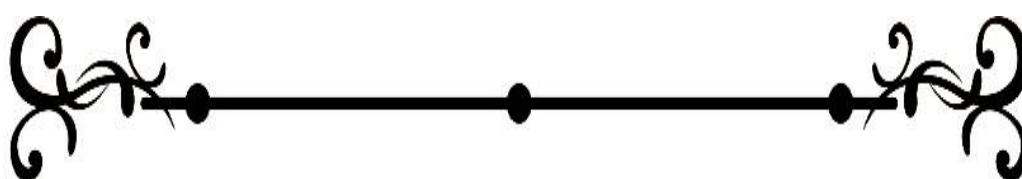
Аве Марина...

*Галина Булатова,
Казань, февраль 2018*

Часть 1
Современники
Русская поэзия 1 половины XX века

Пабло АНТОКОЛЬСКИЙ
Анна АХМАТОВА
Андрей БЕЛЫЙ
Максимилиан ВОЛОЩИН
Осип МАНДЕЛЬШТАМ
София ПАРНОК
Борис ПАСТЕРНАК

Павер АНТОКОЛЬСКИЙ

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Пусть варвары господствуют в столице
И во дворцах разбиты зеркала, –
Доверил я зашифрованной странице
Твой старый герб девический – орла.

Когда ползли из Родины на Север
И плакали ночные поезда,
Я судорожно сжал севильский веер
И в чёрный бунт вернуться опоздал.

Мне надо стать лжецом, как Казанова,
Перекричать в палате Мятежей
Всех спорщиков – и обернуться снова
Мальчишкой и глотателем ножей.

И серебром колец, тобой носимых,
Украшить казнь – чужую и мою, –
Чтобы в конце последней Пантомимы
Была игра разыграна вничью.

И в новой жизни просвистит пергамент,
Как тонкий хлыст по лысым головам:
Она сегодня не придёт в Парламент
И разойтись приказывает вам.

1918

МАРИНА

Седая даль, морская гладь и ветер,
Поющий, о несбыточном моля.
В такое утро я внезапно встретил
Тебя, подруга ранняя моя.

Тебя, Марина, вестница моряны!
Ты шла по тучам и по гребням скал.
И только дым зелёный и багряный
Твои седые волосы ласкал.

И только вырез полосы прибрежной
В хрустящей гальке лоснился чуть-чуть.
Так повторился он, твой зарубежный,
Твой эмигрантский, обречённый путь.

Иль, может быть, в арбатских переулках.
Но подожди, дай разглядеть мне след
Твоих шагов, стремительных и гулких,
Сама помолодей на сорок лет.

Иль, может быть, в Париже или в Праге...
Но подожди, остановись, не плачь!
Зачем он сброшен и лежит во прахе,
Твой страннический, твой потёртый плащ?

Зачем в глазах остеклянела дико
Посмертная одна голубизна?
Не оборачивайся, Эвридика,
Назад, в провал беспмятного сна!

Не оборачивайся! Слышишь? Снова
Шумит крылами время над тобой.
В бездонной зыби зеркала дневного
Сверкают скалы, пенится прибой...

Вот он – твой Крым. Вот молодость, вот детство,
Распахнутое настезь на ветру.
Вот будущее. Стоит лишь взглядеться –
Отыщешь дочь, и мужа, и сестру.

Тот бедный мальчик, что пошёл на гибель,
В солёных брызгах с головы до ног.
О, если даже без вести он выбыл,
С тобою рядом он не одинок.

И звёзды упадут тебе на плечи!
Зачем же гаснут смутные черты
И так далёко – далеко – далече
Едва заметно усмехнулась ты?

Зачем твой взгляд рассеянный ответил
Беспамятством, едва только возник?
То утро, та морская даль, тот ветер
С тобой, Марина. Ты прошла сквозь них!

12 января 1961

* * *

*«Дарю тебе железное кольцо»
Марина Цветаева*

Где ж оно, железное кольцо?
Там, где смерть Кощея в океане.
Я глядел всем девушкам в лицо, –
Чем старше был, тем окаянней.

Где ж они – «бессонница, восторг,
Безнадёжность», данные Мариной.
Угодил я в старость, как в острог,
Иль сгорел в горячке малярной.

В лотерее вытянул билет
Выигрышный – да делиться не с кем.
Миновало пять десятков лет
Ветром резким над проспектом Невским.

День мой беден, вечер мой убог,
Ночи непролазны, как болота.
Не художник, не силен, не бог
И не дуб – а только пень-колода.

Анна АХМАТОВА

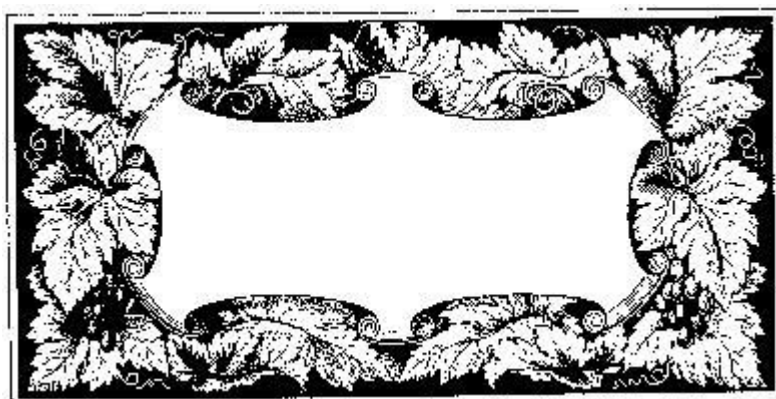
ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

М. И. Цветаевой

Белорученька моя, чернокнижница...

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в чёрных кустах,
То забьёшься в дырявый скворечник,
То мелькнёшь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом».
Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идём,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заматающей след.

Март 1940

Андрей БЕЛЫЙ

М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Неисчисляемы
Орбиты серебряного прискорбья,
Где праздномыслия
Повисли тучи.

Среди них –
Тихо пою стих
В неосязаемые угодия
Ваших образов.

Ваши молитвы –
Малиновые мелодии
И –
Непобедимые ритмы.

Цоссен, 1922

Максимилиан ВОЛОЩИН

* * *

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал ещё лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи –
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

3 декабря 1910

* * *

Марине Цветаевой

К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик чёрный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы? Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня – невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живём для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)
Ваша книга странно взволновала –
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешёл порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга – это весть «оттуда»,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо – есть!»

9 декабря 1910

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

* * *

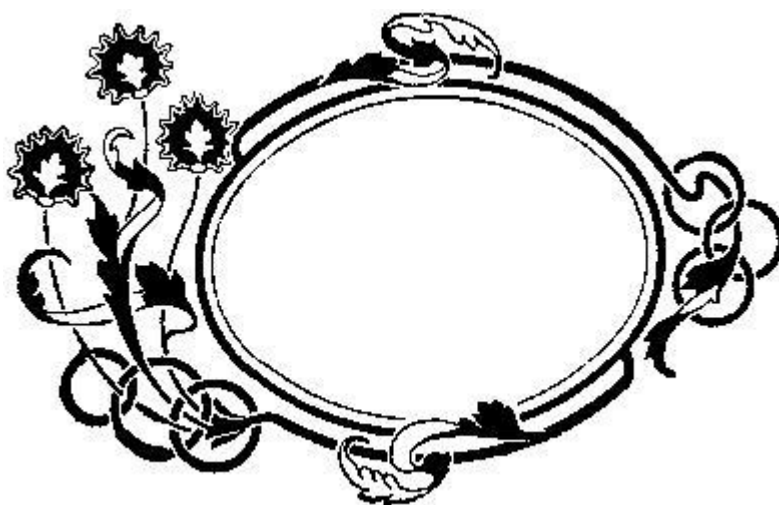
В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поёт черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

1916

* * *

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
– Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы
.....
.....
Где обрывается Россия
Над морем чёрным и глухим.

От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг,
Но в этой тёмной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться – значит быть беде.

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю – он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Ещё белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.

Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остаётся только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

1916

София ПАРНОК

СОНЕТ

Следила ты за играми мальчишек,
Улыбчивую куклу отклоня.
Из колыбели прямо на коня
Неистовства тебя стремил излишек.

Года прошли, властолюбивых вспышек
Своею тенью злой не затемня
В душе твоей, – как мало ей меня,
Беттина Арним и Марина Мнишек!

Гляжу на пепел и огонь кудрей,
На руки, королевских рук щедрей, –
и красок нету на моей палитре!

Ты, проходящая к своей судьбе!
Где всходит солнце, равное тебе,
Где Гёте твой и где твой Лже-Димитрий?

9 мая 1915

* * *

Смотрят снова глазами незрячими
Мать Божья и Спаситель-Младенец.
Пахнет ладаном, маслом и воском.
Церковь тихими полнится плачами.
Тают свечи у юных смиренниц
В кулачке окоченелом и жёстком.

Ах, от смерти моей уведи меня,
Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!
Не в твоём ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соимённица моря!

5 августа 1915

Борис ПАСТЕРНАК

* * *

Не оперные поселяне,
Марина, куда мы зашли?
Общественное гулянье
С претензиями земли.

Ну как тут отдаться занятью,
Когда по различью путей
Как лошади в Римском Сенате
Мы дики среди этих детей.

Походим меж тем по поляне.
Разбито с десятков эстрад.
С одних говорят пожеланья.
С других по желанью острят.

Послушай, стихи с того света
Им будем читать только мы,
Как авторы Вед и Заветов
И Пира во время чумы.

Но только не лезь на котурны,
Ни на паровую трубу.
Исход ли из гущи мишурной?
Ты их не напишешь в гробу.

Ты всё ещё край непочатый.
А смерть это твой псевдоним.
Сдаваться нельзя. Не печатай
И не издавайся под ним.

1926

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мельканье рук и ног и вслед ему
«Ату его сквозь тьму времён! Резвей
Ревя рога! Ату! А то возьму
И брошу гон и ринусь в сон ветвей».
Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет,
Царит покой, и что ни пень – Сатурн:
Вращающийся возраст, круглый след.
Ему б уплыть стихом во тьму времён:
Такие клады в дуплах и во рту.
А тут неси из лога в лог, ату,
Естественный, как листья леса, стон.
Век, отчего травить охоты нет?
Ответь листвою, пнями, сном ветвей
И ветром и листвою мне и ей.

1926

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Ты вправо, вывернув карман,
Сказать: ищите, ройтесь, шарьте.
Мне всё равно, чем сыр туман.
Любая быль – как утро в марте.

Деревья в мягких армяках
Стоят в грунту из гумигута,
Хотя ветвям наверняка
Невмоготу среди закута.

Роса бросает ветки в дрожь,
Струясь, как шерсть на мериносе.
Роса бежит, тряся, как ёж,
Сухой копной у переносья.

Мне всё равно, чей разговор
Ловлю, плывущий ниоткуда.
Любая быль – как вещей двор,
Когда он дымкою окутан.

Мне всё равно, какой фасон
Суждён при мне покрою платьев.
Любую быль сметут как сон,
Поэта в ней законопатив.

Клубясь во много рукавов,
Он двинется, подобно дыму,
Из дыр эпохи роковой
В иной тупик непроходимый.

Он вырвется, курясь, из прорв
Судеб, расплющенных в лепёху,
И внуки скажут, как про торф:
Горит такого-то эпоха.

1929

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Хмуρο тянется день непогожий.
Безутешно струятся ручьи
По крыльцу перед дверью прихожей
И в открытые окна мои.

За оградой вдоль по дороге
Затопляет общественный сад.
Развалившись, как звери в берлоге,
Облака в беспорядке лежат.

Мне в ненастьи мерещится книга
О земле и её красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плёса,
Где зимуют баркасы во льду.

Мне также трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой-миллионершей
Средь голодающих сестёр.

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрёк невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.
В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.

Тут всё – полуслова и тени,
Обмолвки и самообман,
И только верой в воскресенье
Какой-то указатель дан.

Зима – как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки,
Облить вином – вот и кутья.

Пред домом яблоня в сугробе.
И город в снежной пелене –
Твоё огромное надгробье,
Как целый год казалось мне.

Лицом повёрнутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Ещё на ней не подвели.

Декабрь 1943

Часть 2

Эхо

Русская поэзия 2 половины XX века

Елена АКСЕЛЬРОД

Белла АХМАДУЛИНА

Татьяна БЕК

Венямин БЛАЖЕННЫЙ

Лия ВЛАДИМИРОВА

Леонид ГУБАНОВ

Евгений ЕВТУЩЕНКО

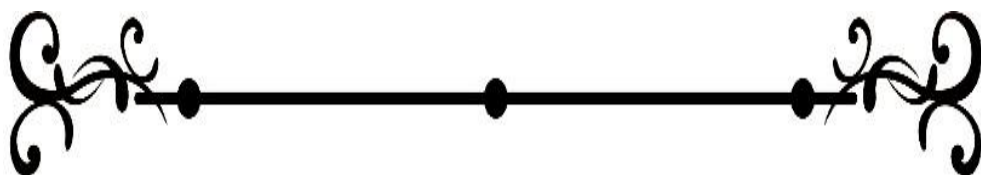
Семен ЛУПКИН

Мария ПЕТРОВЫХ

Татьяна СМЕРТИНА

Арсений ТАРКОВСКИЙ

Борис ЧИЧИБАБИН

Елена АКСЕЛЬРОД

СОНЕТ О ГЕОГРАФИИ

Посвящается Марине Цветаевой

От Чёрной речки в двух шагах Машук,
Елабуга видна с его высот.
Размашистую сеть свою плетёт
Российской географии паук.

Повсюду щупальца царёвых слуг –
От хищной Персии до камских вод.
Арбе, что Грибоедова везёт,
Сопутствует теплушек скрытный стук.

Палач закатывает рукава.
Ты дома, это значит – ты в петле.
Впадает в Каму вольная Нева.

Каким же чудом в непроглядной мгле,
Захлёбываясь в пыточной смоле,
Всё новые всплывают острова?

1984

Белла АХМАДУЛИНА

УРОКИ МУЗЫКИ

Люблю, Марина, что тебя, как всех,
что, как меня, – озябшею гортанью
не говорю: тебя – как свет! как снег! –
усильем шеи, будто лёд глотаю,
стараясь вымолвить: тебя, как всех,
учили музыке. (О, крах ученья!
Как если бы, под Богов плач и смех,
свече внушали правила свеченья.)

Не ладили две равных темноты:
рояль и ты – два совершенных круга,
в тоске взаимной глухонемоты
терпя иноязычие друг друга.

Два мрачных исподлобья сведены
в неразрешимой и враждебной встрече:
рояль и ты – две сильных тишины,
два слабых горла: музыки и речи.

Но твоего сиротства перевес
решает дело. Что рояль? Он узник
безгласности, покуда в до диез
мизинец свой не окунёт союзник.

А ты – одна. Тебе – подмоги нет.
И музыке трудна твоя наука –
не утруждая ранящий предмет,
открыть в себе кровотечение звука.

Марина, до! До – детства, до – судьбы,
до – ре, до – речи, до – всего, что после,
равно, как вместе мы склоняли лбы
в той общедетской предрояльной позе,

как ты, как ты, вцепившись в табурет, –
о, карусель и Гедике ненужность! –
раскручивать сорвавшую берет,
свистящую вокруг головы окружность.

Марина, это всё – для красоты
придуманно, в расчёте на удачу
раз накричаться: я – как ты, как ты!
И с радостью бы крикнула, да – плачу.

Октябрь 1963

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Всё началось далёкою порой,
в младенчестве, в его начальном классе,
с игры в многозначительную роль:
быть Мусею, любимой меньше Аси.

Бегом, в Тарусе, босиком, в росе,
без промаха – непоправимо мимо,
чтоб стать любимой менее, чем все,
чем всё, что в этом мире не любимо.

Да и за что любить её, кому?
Полюбит ли мышиный сброд умишек
то чудище, несущее во тьму
всеведенья уродливый излишек?

И тот изящный звездочёт искусств
и счетовод безумств витиеватых
не зря не любит излученье уст,
пока ещё ни в чём не виноватых.

Мила ль ему незванная звезда,
чей голосок, нечаянно могучий,
его освобождает от труда
старательно содеянных созвучий?

В приют её – меж грязью и меж льдом!
Но в граде чернокаменном, голодном,
что делать с этим неуместным лбом?
Где быть ему, как не на месте лобном?

Добывшая двугорбием ума
тоску и непомерность превосходства,
она насквозь минует терема
всемирного бездомья и сиротства.

Любая милосердная сестра
жестокосердно примирится с горем,
с избытком рокового мастерства –
во что бы то ни стало быть изгоем.

Ты перед ней не виноват, Берлин!
Ты гнал её, как принято, как надо,
но мрак твоих обоев и белил
ещё не ад, а лишь предместье ада.

Не обессудь, божественный Париж,
с надменностью ты целовал ей руки,
но всё же был лишь захолустьем крыш,
провинцией её державной муки.

Тягаться ль вам, селения беды,
с непревзойдённым бедствием столицы,
где рыщет Марс над плесенью воды,
тревожа тень кавалерист-девицы?

Затмивший золотые города,
чернеет двор последнего страданья,
где так она нища и голодна,
как в высшем средоточье мирозданья.

Хвала и предпочтение молвы
Елабуге пред прочею землёю.
Кунсткамерное чудо головы
изловлено и схвачено петлёю.

Всего-то было – горло и рука,
в пути меж ними станет звук строкою,
и смертный час – не больше, чем строка:
всё тот же труд меж горлом и рукою.

Но ждать так долго! Отгибая прядь,
поглядывать зрачком – красна ль рябина,
и целый август вытерпеть? О, впрямь
ты – сильное чудовище, Марина.

1967

КЛЯНУСЬ

Тем летним снимком: на крыльце чужом,
как виселица, криво и отдельно
поставленном, не приводящем в дом,
но выводящем из дому. Одета

в неистовый сатиновый доспех,
стесняющий огромный мускул горла,
так и сидишь, уже отбив, допев
труд лошадиный голода и гона.

Тем снимком. Слабым остриём локтей
ребёнка с удивлённою улыбкой,
которой смерть влечёт к себе детей
и украшает их черты уликой.

Тяжёлой болью памяти к тебе,
когда, хлебая безвоздушность горя,
от задыхания твоих тире
до крови я откашливала горло.

Присутствием твоим: крала, несла,
брала себе тебя и воровала,
забыв, что ты – чужое, ты – нельзя,
ты – Богово, тебя у Бога мало.

Последней исхудалостию той,
добившею тебя крысиным зубом.
Благословенной родиной святой,
забывшею тебя в сиротстве грубом.

Возлюбленным тобою не к добру
вседобрый африканцем небывалым,
который созерцает детвору.
И детворою. И Тверским бульваром.

Твоим печальным отдыхом в раю,
где нет тебе ни ремесла, ни муки, –
клянусь убить елабугу твою.
Елабугой твоей, чтоб спали внуки,

старухи будут их стращать в ночи,
что нет её, что нет её, не зная:
«Спи, мальчик или девочка, молчи,
ужо придёт елабуга слепая».

О, как она всей путаницей ног
припустится ползти, так скоро, скоро.
Я опущу подкованный сапог
на щупальца её без приговора.

Утяжелив собой каблук, носок,
в затылок ей – и продержат подольше.
Детёнышей её зелёный сок
мне острым ядом опалит подошвы.

В хвосте её созревшее яйцо
я брошу в землю, раз земля бездонна,
ни словом не обмолвясь про крыльцо
Марининового смертного бездомья.

И в этом я клянусь. Пока во тьме,
зловоньем ила, жабами колодца,
примеривая жёлтый глаз ко мне,
убить меня елабуга клянётся.

1968

Татьяна БЕК

ЭТА ЖЕНЩИНА С КРУГЛЫМИ БУСАМИ...

*Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный...
М. Цветаева*

Эта женщина с круглыми бусами,
С волосами прямыми и русыми –
Воплощённая правда, душа.
Надо быть пошляками и трусами,
Чтобы вымолвить: «Нехороша!»

О, толпа разодетая, важная,
Жадно жрущая на серебре, –
Не по вкусу тебе эта страшная
Ворожба? Или нет – рукопашная,
Где точны, как удары, тире.

Мерить вёрстами землю чужбинную,
Столбенеть перед редкой рябиною,
Принимая сиротство как честь...
Надо быть несравненной Мариною,
Чтобы быть лишь такою, как есть.

Венямин БЛАЖЕННЫЙ

* * *

Когда я говорю «Цветаева», я плачу,
Как будто это я воскрес на третий день
Поведать о её блаженной неудаче,
О первенстве её и о её беде...

О нищенстве хочу поведать я особо:
Не многим привелось быть нищими в глуши.
Переступить порог некрашеного гроба,
А после раздавать соковища души.

Не знаю почему, но мнится мне Марина
То в образе босой бродяжки на заре,
То спутницей Христа у стен Иерусалима,
А то хромающей собакой во дворе.

Лия ВЛАДИМИРОВА

ЕЛАБУГА

*И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.
М. Цветаева*

А там, над чернокрылой Камой,
Свежа, открыта и страшна,
Лежит Елабуга, как яма,
И пахнет смертью бузина.

Сползают слухи, словно мухи
За жёлтой склизкостью окон,
И полумёртвые старухи
Икая, смаргивают сон.

За бесноватую рекою,
Где чёрный ветер след размыл,
Они горбатую клюкою
Ткнут в безымянный ряд могил.

1972

Леонид ГУБАНОВ

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Была б жива Цветаева,
Пошёл бы в ноги кланяться –
Пускай она седая бы
И в самом ветхом платье.

Понёс бы водку белую
И пару вкусных шницелей,
Присел бы наглым беркутом –
Знакомиться ль? Молиться ли?..

Пускай была бы грустная
И скатерть даже грязная,
Но только б слышать с уст её
Про розовое разное.

Но только б видеть глаз её
Фиалковые тени
И чудо чёлки ласковой
И чокнуться в колени.

Жила на свете меточка
Курсисточкой красивой,
В бумажном платье девочка
Петлю с собой носила.

Писала свитки целые,
Курила трубку чёрную,
Любила спать за церковью,
Ходить в пацаньих чоботах.

И доигралась, алая,
И потеряла голову,
Одно лишь слово балуя,
Ты замерзала голая.

Один лишь стол в любовниках,
Одна лишь ночь в избранницах,
Ах, от тебя садовнику
Вовеки не избавиться...

Небесному – небесное,
Земному – лишь земное.
И ты летишь над бездною
Счастливейшей звездой.

Всё поняла – отвергнула,
Поцеловала – ахнула,
Ну а теперь ответа жди
От золотого Ангела!

Пусть сыну честь – гранатой
А мужу слава – пулей,
Зато тебя с солдатами
Одели и обули.

И ничего не вспомнила,
Перекрестилась толечко –
Налей стаканы полные,
Зажри все лунной корочкой!

Здоровье пью рабы твоей
Заложницы у Вечности
Над тайнами зарытыми,
Страстями подвенечными.

Какое это яблоко
По счёту своевольное.
Промокшая Елабуга,
Печаль моя запойная...

Была б жива Цветаева,
Пошёл бы в ноги кланяться
За то, что не святая ты,
А лишь страстная пятница.

И грустная, и грешная,
И горькая, и сладкая
Сестрица моя нежная,
Сестрица моя славная.

Дай Бог в гробу не горбиться,
Мои молитвы путая,
Малиновая горлица
Серебряного утра!

Евгений ЕВТУШЕНКО

ЕЛАБУЖСКИЙ ГВОЗДЬ

Памяти М.Цветаевой

Помнишь, гераневая Елабуга,
ту, городскую, что вечность назад
долго курила, курила, как плакала,
твой разъедающий самосад.

Бога просила молитвенно, ранено,
чтобы ей дали бельё постирать.
Вы мне позвольте, Марина Ивановна,
там, где Вы жили, чуть-чуть постоять.

Бабка открыла калитку зыбучую:
«Пытка под старость – незнамо за что.
Ходют и ходют – совсем уж замучили.
Дом бы продать, да не купит никто.

Помню – была она строгая, крупная.
Не подходила ей стирка белья.
Не получалось у ней с самокрутками.
Я их крутила. Верёвку – не я...»

Сени сырые. Слепые. Те самые,
где оказалась пенька хороша,
где напослед ледянящею Камою
губы смочить привелось из ковша.

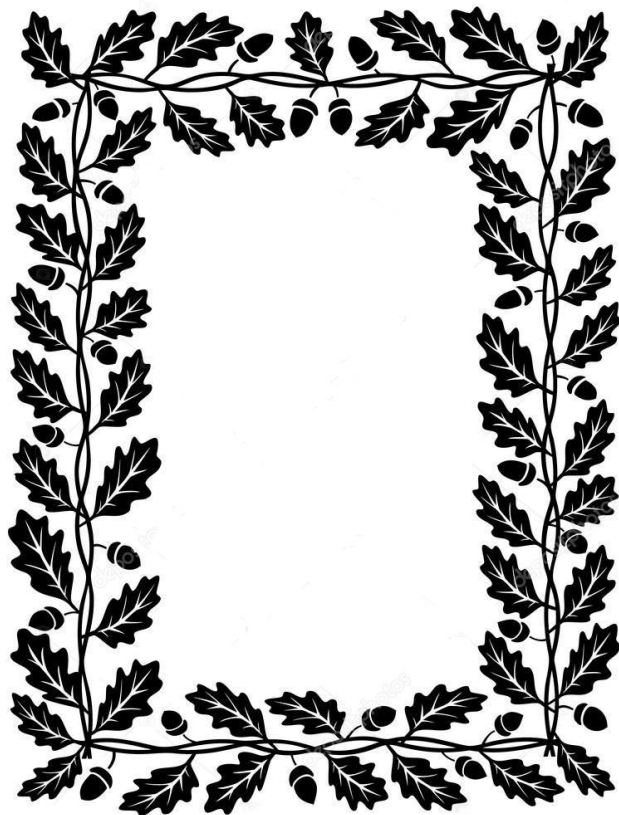
Гвоздь, а не крюк.
Он гранёный, увесистый –
для хомутов, для рыбацких снастей.
Слишком здесь низко, чтоб взять и повеситься.
Вот удавиться – оно попростей.

Ну, а старуха, что выжила впроголодь,
мне говорит, словно важный я гость:
«Как мне с гвоздём-то? Все смотрят и трогают.
Может, возьмёте себе этот гвоздь?»

Бабушка, я вас прошу как о милости, –
только не спрашивайте опять:
«А отчего она самоубилась-то?
Вы ведь учёный. Вам легче понять.»

Бабушка, страшно мне в сенцах и комнате.
Мне бы поплакать на Вашем плече.
Есть лишь убийства на свете – запомните.
Самоубийств не бывает вообще...

1967

Семен ЛУПКИН

ЗИМНИЙ ЗАКАТ

Вот я вижу тебя сквозь очередь,
Где в былое пятятся годы,
Соимённая дерзкой дочери
Сандомирского воеводы.

Как привыкла ты, пообедали
В метростроевской мы обжорке,
На закате зимнем проведали
Те, что помнила ты, задворки.

Вот любимся мы домишками
И церквами Замоскворечья.
На тебе, как на князе Мышкине,
Тонкий плащ топорщил оплечья.

О декабрьской забыв суровости,
Мне своим говорком московским
Сообщила старые новости
О Бальмонте, о Мережковском.

Притворились, что не заметили,
Как над нами кружится стужа.
Где присяжные? Где свидетели?
Где Париж? Где погибель мужа?

А порой от намёка слабого
Поднималась надменно бровка...
Далека, далека Елабуга
И татарская та верёвка.

1984

Мария ПЕТРОВЫХ

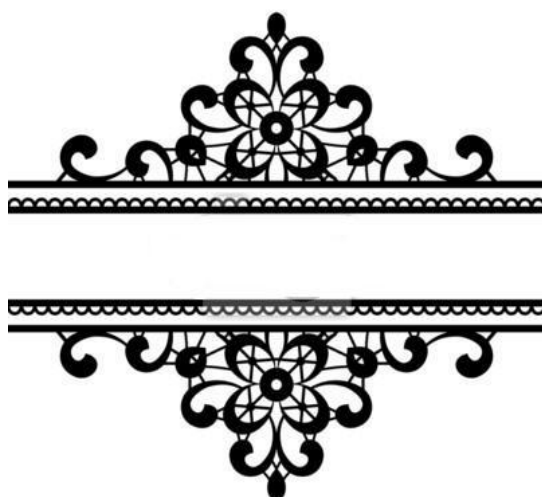
* * *

Ахматовой и Пастернака,
Цветаевой и Мандельштама
Неразлучимы имена.
Четыре путеводных знака –
Их горний свет горит упрямо,
Их связь таинственно ясна.

Неугасимое созвездье!
Навеки врозь, навеки вместе,
Звезда в ответе за звезду.
Для нас четырёхзначность эта –
Как бы четыре края света,
Четыре времени в году.

Их правотой наш век отмечен,
Здесь крыть, как говорится, нечем
Вам, нагоняющие страх.
Здесь просто замкнутость квадрата,
Семья, где две сестры, два брата,
Изба о четырёх углах...

19 августа 1962, Комарово

Татьяна СМЕРТУНА

* * *

Она любила огненные тени,
Зелёное качание волны.
Мне не уйти от этих наваждений,
Где чёрный крюк и руки вдоль стены...

Где дикий вопль задушен немотою,
Где Ангел с бесом бьются до сих пор...
Она сверкает молнией ночью,
И слепнут все, кто не прикроет взор.

Не верю я в наветы и копанья,
И в современный, лягушачий суд!
Белейшей лилией её страданья
В полнеба светят, белизной зовут!

Всё-всё не так, как вам бы всем хотелось.
У всех перо, но не у всех крыло.
Сегодня наглостью убита смелость,
Знать не у всех под чёлками – чело!

В метаниях безумных георгинов
Поэта шёпот и запястий хруст.
Остановись! Вернись в наш свет, Марина!
Но из цветов – лишь вековая грусть...

Но из цветов – лишь огненные тени
И боль стихов, что всех переживёт.
И будем падать, падать на колени
Перед цветком, что дважды не цветёт.

26 сентября 1999

Арсений ТАРКОВСКИЙ

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Всё наяву связалось – воздух самый
Вокруг тебя до самых звёзд твоих,
И поясок, и каждый твой упрямый
Упругий шаг, и угловатый стих.

Ты, не отпущенная на поруки,
Вольна гореть и расточать вольна,
Подумай только: не было разлуки,
Смыкаются, как воды, времена.

На радость – руку, на печаль, на годы!
Смежённых крыл не размыкай опять:
Тебе подвластны гибельные воды,
Не надо снова их разъединять.

<16 марта 1941>

СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает бельё.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки её
Швыряют на голую стену.

Бельё выжимает. Окно –
На улицу настезь, и платье
Развешивает. Всё равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолёт за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днём
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери. Как в речке на дне –
В зелёных потёмках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка судьба,
И переупрямит над Камой...

12 января 1963

Борис ЧУЧИБАБИН

СОНЕТ МАРИНЕ

За певчий бунт, за крестную судьбу,
по смертный миг плательщицу оброка,
да смуглый лоб, воскинутый высоко,
люблю Марину – Божию рабу.

Люблю Марину – Божия пророка
с грозой перстов, притиснутых ко лбу,
с петлёй на шее, в нищенском гробу,
приявшу честь от родины и рока,

что в снах берёз касалась горней грани,
чья длань щедра, а дух щедрее длани.
Её тропа – дождём с моих висков,

её зарёй глаза мои моримы,
и мне в добро Аксаков и Лесков –
любимые прозаики Марины.

1980

Часть 3

Новый век

Русская поэзия начала XXI века

Ольга БЕЩЕНКОВСКАЯ

Сергей БРЕЛЬ

Галина БУЛАТОВА

Мария ВАТУТИНА

Альбина ГАВРИШ

Олег ГОРШКОВ

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Галина ДАНИЛЬЕВА

Ирина ЗАСЛАВСКАЯ

Андрей ЗЕМСКОВ

Диана КАН

Михаил МЕЩЕРЯКОВ

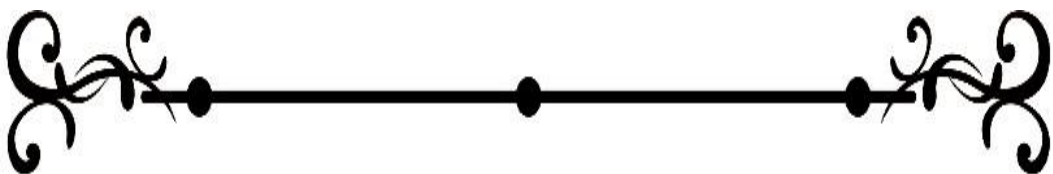
Валерий ПРОКОШИН

Эдуард УЧАРОВ

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

Игорь ЦАРЁВ

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

Ольга БЕЩЕНКОВСКАЯ

ПАМЯТИ ПОЭТА

Слава богу, что так, в Елабуге,
а иначе бы шли за гробом
равнодушно смурные лабухи,
каждый – нанят, и каждый – робот.
А в Париже или в Берлинии
проводжали бы языками
злыми. Платьями – сплошь павлиньими.
(Время – бросить последний камень...)
Кто травил – тот бы первый – плаксою
над челом, что уже увенчано...
Если мазал при жизни ваксою,
возопил бы: «Святая женщина!»
Ты и так им, как Богородица,
отдала всё своё святое...
Не страдают от безработицы.
Не бывает у них простоя:
расшифровывают, печатают,
набиваются в фавориты...
Хорошо, что ушла, печальная,
прямо к Богу! – без волокиты...
И – поклон тебе от поэзии.
И – ночной мой дрожащий шёпот...

Мне легко танцевать по лезвию:
у меня – твой бессмертный опыт...

2004

Сергей БРЕЛЬ

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Не говори, что свет померк:
он близок!
Вот так выводят на кронверк
под бризы.

Так не-встречаются, петли
не ищут.
Так расточаются – цари
для нищих.

Что тело? – временное не-
сближенье,
разлука, ставшая вдвойне
блаженной.

Что дух? – угаданный полёт
двудужья
бровей, движение пород
под ружья.

Не говори, что высота
бездушна,
и мир открытые уста
разрушат.

Но только взору чернеца –
та книга,
и жизнь – отверстия сердца
воздвигнут.

27 декабря 2002

Галина БУЛАТОВА

АВЕ МАРИНА

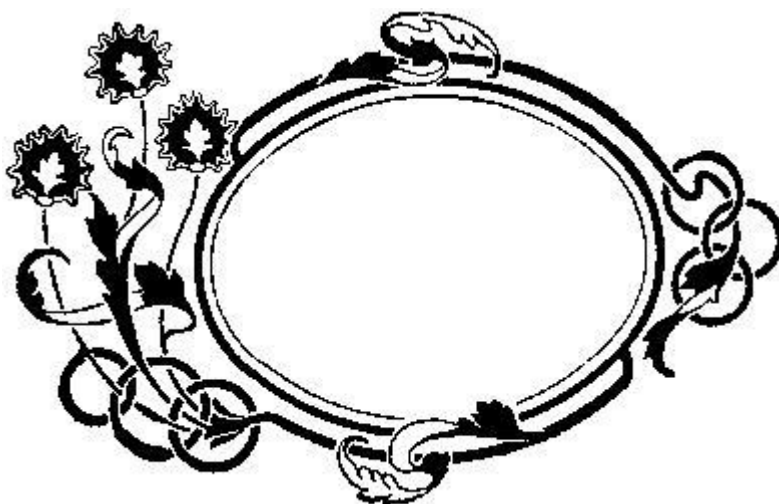
Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выцвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить – Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, – шумит прибой, –
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, – луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

Казань, январь, 2018

Марина БАТУГИНА

ТАРУСА. КАМЕНЬ

Капает с мезонина
Талый мартовский снег.
Этим путём, Марина,
Переходя на бег,
Вниз к роднику, на взгорок,
Мимо воскресших стен
Храма, раскрытых створок
Справа, набухших вен
Выси твоей, осина,
Вздохов твоих, ольха,
Этим путём, Марина,
Первым ростком стиха,
Вздыбленную строкою,
Спазмом ростовских гланд,
Властвовать над Окою,
Что над Арно твой Дант,
В дом, над которым камень
Ждёт, белизной слепя,
С чёрной-пречёрной Камы
Как вернуть тебя?

Альбина ГАВРИШ

ФИГУЛЬ. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

*Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов...
М. Цветаева*

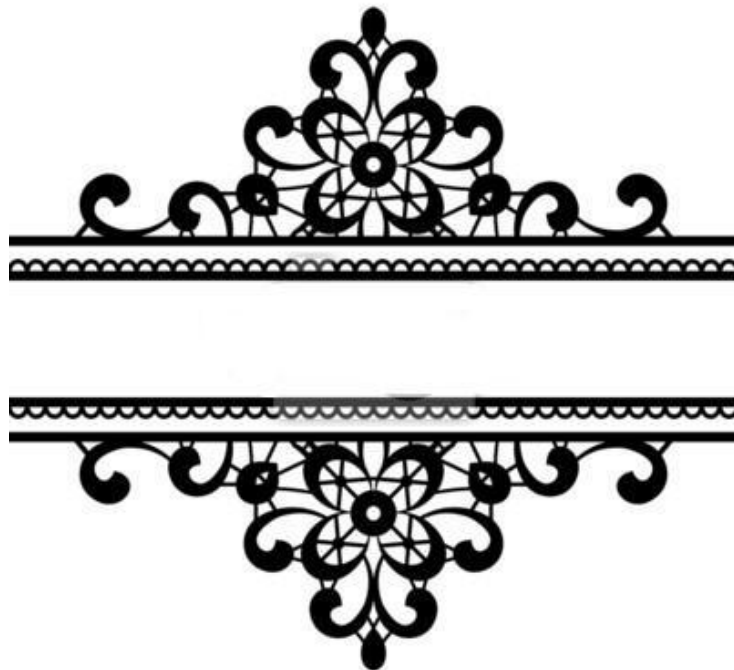
Дождусь ли я взросления строки,
Чтоб дань отдать не там, где ты забыта...
Не там, где оплетают корешки
Твой прах, судьбу считав с руки гранита
Иль мрамора... не всё ль тебе равно?
Вот, может быть, как раз всего равнее...
Давно твоё распродано вино,
И всякий пьян с него, а ты – живее.
Легко ль тебе на новой стороне?
И снова ли родной – великий русский?
Иль память прячет в белой простыне
Твой самый крепкий, самый нервный мускул?
Легко ли сердцу новому стучать,
Искать в пути потерянных, но близких?
Чтоб к ним пришла и обрела опять,
Склонюсь к земле так искренне, так низко
Под рамкой, где сияет Богослов,
И где свеча оплакала верёвку...
Легко ль тебе, сошедшей с поездов?
Легко ль далась такая остановка?
Легко ль тебе, отвязанной? Молчишь...
Но я тебя давно и ярко слышу,
Когда сжигаю сумерки в печи...
Когда рябину голос твой колышет.

Май, 2011

Олея ГОРШКОВ

ЦИТАТА ИЗ ЦВЕТАЕВОЙ

Ночь была цитатой из Цветаевой –
Помните, «зрачок, сосущий свет».
Ночь звучала смутными октавами,
Утопивши клавиши в листве.
С чертовщиной вальс ли пастернаковский
В форточные рамы залетел,
Или поздний ангел плакал, плакался –
Будто святость выплакать хотел.
Ночь казалась медленной флотилией.
Мель и штиль. Вернее, Мандельштам.
Корабли времён почти не плыли и
Сколько их на мель попало там.
И стелились сумерки покатые
Под уклон – назад, назад, назад.
Мир давно разобран на цитаты
И опять составлен из цитат...

Ольга ГРИГОРЬЕВА

НА КЛАДБИЩЕ

... И палящее солнце уже превращалось в медь.
И спускалась на Елабугу благодать.
Она выбрала эту землю, чтоб умереть.
Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать.

И она не могла не знать, что сюда придут
И поклонятся, и будут читать стихи.
И поэтому – светел её приют.
И могилы – нет. И слёзы у нас легки.

И поэтому – будь навеки благословен
Этот край, этот берег, елабужская вода...
Ведь Марина – не камень, не крест, не тлен.
Только то, что осталось в нас. Навсегда.

Москва – Елабуга, август 2006

СВЯЗНЫЕ

И. Невзоровой

Веточку Волошинской полыни
Я везу в Елабугу Марине.
Терпко пахнет крымская полынь:
Зноем, пылью, горечью, любовью,
Тёплым морем, вечностью и болью,
Сладким соком перезревших дынь.

От горы высокой коктебельской
До елабужской дорожки сельской –
Тоже в гору. Тоже на холме.
Листья земляничные резные...
Понимаю я, что мы – связные.
В руки дан пакет – тебе и мне.

Дан завет Волошиным, Мариной...
И за срок земной, такой не длинный,
Довезти бы, донести, успеть
То, что нам с тобою поручили:
Листик земляники, цвет полыни,
Душу, побеждающую смерть.

Коктебель – Елабуга, август 2008

Галина ДАНИЛЬЕВА

АЛКОНОСТЬ

Птицу печали кормила с ладони,
Был разговор прям и прост:
«В поле чужом – мои белые кони,
Птица-Печаль, Алконост?»
Не отвечает мне птица печали,
Вот уж ладони в крови.
Кто-то стоит у меня за плечами
И заставляет: корми!
Я говорю: «Дорогая, не жалко –
Выпей немного вина,
Только скажи – отчего сердцу жарко?
Это беда иль вина?»
Нету ответа. Клюёт, как клевала.
Хочется крикнуть: «Постой!»
... «Стерпишь – Марина твоя напевала
И под доской».

17 марта 2001

Ирина ЗАСЛАВСКАЯ

* * *

Ни бронзою, ни мрамором, ни глиною
Уже не повторить твои черты,
И голос с поволокою полынною
Не выманить из тёмной немоты.

Парижем ты ходила или Прагою,
Арбатом или берегом Оки,
Была всегда твоя перчатка правая
Для левой приготовлена руки,

Как мета непокорной непохожести,
Отличности от века своего,
Как с горькой одуванчиковой кожицей
И горечью рябиновой – родство.

Беспомощная в прихотях обыденных,
Слабеющая в ласке как в вине,
Ты видела, о как ты много видела
Внутри себя, но более – вовне!

Мариною звалась ты или Анною,
Иль Беллою тебя мы назовём,
Величье, красотой осиянное,
Просвечивает в облике твоём.

К земным властям не чувствуя пристрастия,
Прошу я у дарующих небес
Стране моей оставить троевластие
И триединство русских поэтесс.

2010

Андрей ЗЕМСКОВ

СТАНСЫ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

1

За горою кричит печально
Пароходик – калика.
На горе – на горе – молчанье
Громче всякого крика.
Белый свет проклянута – и всё же
От себя не отрину.
Я прошу – ты слышишь, прохожий? –
Помолись за Марину!..

2

Осень в огонь замела букет
Поздних сухих цветов.
На колокольне в Елабуге
Нет колоколов.
На берегу паромщики
Картошку пекут в золе.
Блѣклые колокольчики
Катятся по земле.

3

Ветер, ветер, бродяга – ветер,
Что ж ты стал холоднее стали?
Неуютно на этом свете,
А на тот нас пока не звали.
Ветер, ветер, усталый странник,
Нелегко быть незванным гостем.
Где мы память свою оставим –
В чьѣм дому и на чьѣм погосте?

4

Вольною быть – верною стать,
 Сильною быть – грозной,
 Пере-любить, пере-листать,
 Пере-бороть – поздно!
 Вера моя – воля,
 Лики озёр – мои образа,
 Певчие – ветры в поле,
 Сила моя – гроза!

5

Не изменит река течение,
 Лёд, как шапку с чела, – долой!
 Возвращение, возвращение
 Из чужбины – к себе – домой!
 Ностальгии – ни капли. Только лишь
 Гляну в омут – темным-темно...
 Всё равно – то ли Прага, то ль Париж?
 Возвращение – всё равно!

6

Что ж, в дорогу, сынок, в дорогу!
 Знать бы – долго ль наш путь продлится?
 Тело – дьяволу, душу – Богу,
 Людям – выцветшие страницы.
 То ли тройка в дорожной пыли,
 То ли крест в ледяной купели...
 Так ли мы безрассудно жили?
 Так ли петь и любить умели?

7

Польша – полымя, факел – Франция,
 Тень от чёрных паучьих лап.
 Эмиграция, эвакуация, –
 Хорошо ещё – не этап.
 Да и здесь жернова вращение
 Не замедлят, горя горя.
 Не ко времени возвращение –
 По записке секретаря...

8

С каждым днём труднее к коммуне путь, –
 Значит, больше в пути потерь.
 Каждой ночью беда к кому-нибудь
 Сапогами стучится в дверь.
 Кайтесь, грешники! Индальгенция –
 Только пуля в затылок.
 Профессура, интеллигенция,
 Чернозём пересылок.

9

Тиран – узколобый демон,
 В усах копошится мгла.
 Где дом твой, Марина? Где он?
 На родине – без угла.
 Лампа коптит в подвале,
 Выцвела зелень глаз.
 Ася, Серёжа, Аля,
 Как докричатся до вас?

10

Письма – от случая к случаю –
 Редкие, жданные гости.
 Проволокой колючею
 Заборы на Княж-Погосте
 В землю вросли мёрзлую,
 За камни цепляясь, за горы.
 По северам – вёрстами –
 Заборы, заборы, заборы...

11

В очереди к окошку –
 Дочка, невеста, брат
 Вытоптали дорожку
 Возле тюремных врат.
 Крестного этот горше путь –
 Всеми кругами ада.
 Но пере-жить, пере-шагнуть,
 Пере-бороть – надо!

12

И снова – к столу, и вновь на слуху
Межа между строчками.
Поэту до сумерек, как на духу,
Дышать над подстрочником.
Он вещего слова не вымолвит зря, –
И только поэтому
Во все времена царёво – царям,
Поэту – поэтово.

13

Что выдаст в поэте – Поэта?
Зелёный – рассеянный – взгляд.
Парит тополиное лето,
В Сокольниках липы шумят,
И жизнь начинается заново...
Но взорвана тишина!
На западе – злое зарево,
И страшное слово – война!

14

Стёкла мутные, словно лёд,
Самолёты в прожекторах,
Рёв сирены, первый налёт,
Облака на длинных шнурах.
И ладонь прижимая к виску,
Ты гадаешь по сводкам сухим:
Неужели их пустят – в Москву?
Неужели сдадут её – им?..

15

На беду и вода кругами,
Как от брошенной хлебной корки.
Пароходик ползёт по Каме,
Город Чистополь на пригорке.
Может, сбудется наконец-то
Правота вместо фальши?
Но и здесь не найдётся места.
Вам в Елабугу – дальше.

16

Точки над і расставляет рассвет,
 Зеркало смотрит в дверной проём...
 Не состоится у нас дуэт –
 Слишком по-разному мы поём.
 Что же, опять, как всегда, одна?
 Всяк отмахнётся, глаза отведёт.
 Не до поэзии, если – война...
 И судомойкой никто не возьмёт.

17

Склянка чернил – вот она,
 Столик возле стены.
 Предана – но не продана:
 Нету такой цены!
 Нету цены отчаянью –
 Платою за побег.
 Там, за волной причальнойю
 Скрылся Серебряный Век.

18

Уголья в печи – чужие –
 В Чехии, в Польше...
 Где ещё жить, скажите?
 Некому больше
 Над Рильке корпеть, над Лоркой, –
 Спи, баркарола!
 Горенка – надвое – переборкой.
 Пере-борола.

19

Остаться одной, остаться –
 Не всё ли равно, когда!
 Потерянным иностранцам
 И родина – лебеда.
 На сердце – сплошные раны,
 Счастье – забытый гость.
 А в балке – четырёхгранный,
 Крепкий, старинный гвоздь.

20

Слово – как склянку – оземь,
Чтобы и смерть – не зря.
Завтра наступит осень,
Первое сентября.
Правда – страшнее вымысла,
Когда никому не нужен...
Мурлыга! Прости! Не вынесла.
Дальше было бы хуже.

21

В платье лилового ситца,
Вскользь – через душу – трещина.
Кто это? Это царица? –
Нет, это просто женщина.
Верёвкой – внахлёст – по вере!
На нитке, скоба, держись,
Чтоб не ломали двери
Те, что сломали жизнь.

22

Отныне себе, как и вам, одна,
Забывая – где – Бог весть,
Простите, Марина Ивановна,
Что Ваша могила – здесь.
Под сенью осенних трав она,
Вдали от досужих мест.
Простите, Марина Ивановна,
Потерянный – нами – крест...

2001

Диана КАН

* * *

*...Морская канула в моря...
Цветаева*

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: «Марина, Вы не правы!»
Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская –
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе – всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела –
Как только б ты сумела! – Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизречённые напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

Михаил МЕЩЕРЯКОВ

ТАРУСА

Запоздалых покоев царство,
заповедных просторов гладь.
Мы приехали. Вот и здравствуй.
Я вернулся к тебе опять.

В неутраченный мир старинный,
где горит, не даёт забыть,
нить, пропитанная стеарином —
Ариадны святая нить.

Понимаема постепенно
жизнь, бурлившая здесь давно.
Поднимаемся по ступеням,
опускаемся ли на дно

генной памяти. И не скрою,
там, на дне золотого дня,
кто-то страшно молчит со мною,
кто-то режет лучом меня...

Это время... не помним точно...
Дня... когда? Золотого... дно...
Тени гипсовые в Песочной...
Боги? Демоны? — всё одно...

Может статься, и было надо вам
здесь не гипсовыми стоять —
до Елабуги в круге адовом
каждой косточкой простонать.

Ни венка теперь к изголовью...
Только боль через много дней
проступает рябинной кровью
на изломах твоих ветвей.

И, бредя по старинным, пыльным
этим улицам – как в бреду –
замечаю: рябина вспыхнет
то в одном, то в другом саду.

Не поётся. Но в душу рвётся
этот красно-багровый цвет.
Всё когда-нибудь отзовется
через множество долгих лет.

Будет также к нам в души литься
неподкупного неба власть.
Всё когда-нибудь повторится –
Былью? Болью? Судьбою? – в нас.

Валерий ПРОКОШИН

ТОВАРИЩ ЦВЕТАЕВА

М. Цветаевой

Нет, не вернулась из прошлых разлук
В дом, где хотела согреться.
Всё, что могли, вырывали из рук
И выжигали из сердца,

И загоняли на сталинский круг –
Лагерных вёрст... Из бывшего
Ей всё мерещился адовый крюк
Вместо серпа золотого.

Медленно вянут вокруг тополя,
Преют рыбацкие снасти.
«Товарищ Цветаева,
Как Вам петля –
В дар от советской власти?»

Нет, не Елабуга кралась из тьмы
Провинциальной воровкой
В двери открытые. Это же мы
Ждали всё время с верёвкой.

Вот и дождались: пошла наугад
Самоубийцею – в гости,
Мимо крестов и чугунных оград
На бесконечном погосте.

Смерть, словно пепел, ни с кем не деля,
Сгинула, как от напасти.
«Товарищ Цветаева,
Как Вам земля –
В дар от советской власти?»

2001

Эдуард УЧАРОВ

ЕЛАБУГА

*Борису Кутенкову
и Евгению Морозову*

Ах, Елабуга прекрасная,
деревянные дома,
здесь из чарок Кама красная
льётся в глотку задарма.

Дождь по крышам ходит весело,
смотришь, куришь и молчишь –
где Цветаева повесилась,
стонет утренняя тишь.

Вы, Марина, тоже странница –
продираетесь строкой...
Гвоздик в сердце ковыряется:
пить ли нам за упокой?

Быть ли нам? Ходить по краешку?
Перепевами мельчать...
И, открыв на вечность варезку,
в пустоту стихи мычать.

Ах, Елабуга прекрасная,
Кама – красная вода...
Путь один, тропинки разные –
не уехать никогда.

Казань, 2014

М.Ц.

Рахиму Гайсину

Какой виной земля раздавлена
у приснопамятной могилы,
ведь Кама берегу оставила
ту, что на небо уходила?

Какое же проклятье чортово
её догнало в городище,
что в сорок первом жизнь зачёркнута,
а рваный стих бурлит и свищет?

Какая невозможность лживая
однажды хлопнула калиткой,
и страшный стон на Ворошилова
закончил то, что было пыткой?

Елабуга цветёт Цветаевой
и наливается рябиной,
где горло города сжимаемо
петлёй стихов её любимых...

Казань, 2016

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

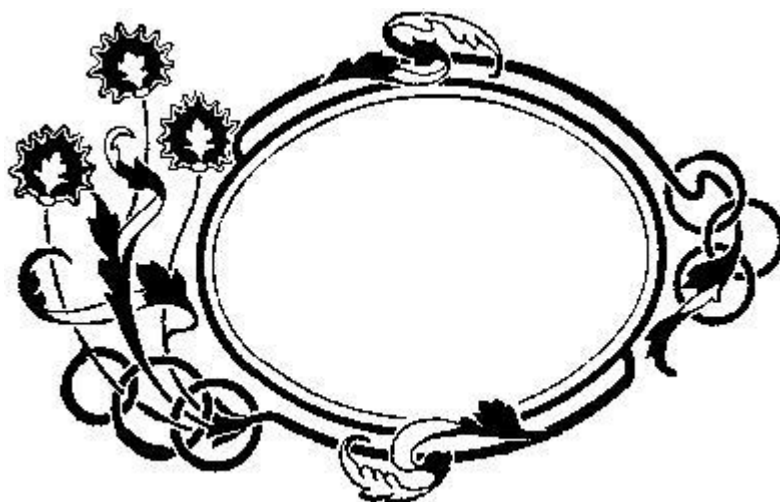
СНЕГ НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ

*Глядите: от края – до края –
Вот наша Москва – голубая!
М. Цветаева*

Вот он сыплет, долгожданный,
На садовые диваны,
На парковки у аптек...
К Рождеству на царство званный,
Князь серебряных буранов,
Театральный и органнй,
Лебединый первый снег.
На Успенском снежит тише,
Над «Взысканием погибших»,
Колокольной и крестом...
Гимназически цветаев –
В сквере с веточек слетает,
И весом, и невесом...
– Слышишь, Ася, дай мне руку!
Позабудем дома скуку,
Оживлённо и легко
Окунёмся в мир поющий
Этих странных белых мушек,
Грациозно-белых мушек
В нежном стиле рококо!
...Переулок выйдет к храму.
Старый храм в кирпичных шрамах,
Он сейчас не помнит гроз.
В этом обмороке бальном
Всё становится реальным,
Долгий список поминальный
Изогнулся в белый мост.
Спит Москва в невольном трансе...
Из шарманки льются вальсы...
К храму девочки идут

Рядом, Ася и Марина,
И глядят аквамаринно
Сверху вниз из белых пут...
Этот город им обещан
Был, в трудах отцом завещан
И заботливо вручён...
Только крест подставил плечи,
Русский крест расправил плечи
Под безбожным кумачом.
– Ася, Ася, дай мне руку,
Даже если злая мука
Вышьет рифмами альбом,
Мы споём, певцы живого!
Всё минует, кроме слова,
Ничего нет больше Слова
В хрупком мире голубом.

21 мая 2016

Царь ЦАРЁВ

* * *

Марине Цветаевой

Когда в елабужской глуши,
В её безмолвии обидном,
На тонком пульсе нитевидном
Повисла пуговка души,
Лишь сучий вой по пустырям
Перемежался плачем птичьим...
А мир кичился безразличьем
И был воинственно упрям...
Господь ладонью по ночам
Вслепую проводил по лицам,
И не спускал самоубийцам
То, что прощал их палачам...
Зачтёт ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, её зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости.

2012

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

МАРИНА ПИШЕТ РАЙНЕРУ МАРИИ...

Марина пишет Райнеру Марии.
Любовь и смерть разносят эти письма –
две вечные работницы на почте:
любовь – за полглотка хмельного счастья,
а смерть, карга кривая,
лишь за то,
чтоб отворили дверь ей поскорее...
Марина пишет Райнеру и ныне,
когда давно уже их нет обоих,
когда в плаще плюща,
в швейцарском замке,
певец-пражанин Рильке опочил...
А ты, зеленооокое сиянье,
морская и вселенская Марина!
Ты, чудо и пульсар любви и звука,
удавлена
на ржавом вседержавном,
на вырванном из двух тысячелетий,
на выломанном из Креста,
гвозде...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Современники. I половина XX века

Павел Антокольский (1896–1978)	5
Анна Ахматова (1889–1966)	8
Андрей Белый (1880–1934)	9
Максимилиан Волошин (1877–1932)	9
Осип Мандельштам (1891–1938)	11
София Парнок (1885–1933)	13
Борис Пастернак (1890–1960)	14

Часть 2. Эхо. II половина XX века

Елена Аксельрод (1932)	19
Белла Ахмадулина (1937–2010)	20
Татьяна Бек (1949–2005)	25
Вениамин Блаженный (1921–1999)	26
Лия Владимировна (1938)	26
Леонид Губанов (1946–1983)	27
Евгений Евтушенко (1932–2017)	29
Семён Липкин (1911–2003)	31
Мария Петровых (1908–1979)	32
Татьяна Смертина (1948)	33
Арсений Тарковский (1907–1989)	34
Борис Чичибабин (1923–1994)	35

Часть 3. Новый век. Начало XXI века

Ольга Бешенковская (1947–2006)	37
Сергей Брель (1970)	38
Галина Булатова	39
Мария Ватутина (1968)	40
Альбина Гавриш (1979)	41
Олег Горшков (1964)	42
Ольга Григорьева (1957)	43
Галина Данильева	44
Инна Заславская (1949)	45
Андрей Земсков (1968)	46

Диана Кан (1964)	52
Михаил Мещеряков (1963)	53
Валерий Прокошин (1959–2009)	55
Эдуард Учаров (1978)	56
Ольга Флярковская (1967)	58
Игорь Царёв (1955–2013)	60
Сергей Шелковый (1947)	61

Редактор-составитель **Булатова Галина Ивановна**
bulatova1305@yandex.ru

Подписано в печать 27.02.2018
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.
Издательство Академии наук РТ
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
e-mail: izdat.anrt@yandex.ru